

Тематические сборники «Переклички вестников»
Сборник № 30. «О чём шумите вы, разливы
лиственные?»

Выпуск 391

Лариса Патракова

Ночью, только глаза закрою,
Выбираю взглядом сосну:
Чудо-дерево золотое
В золотом закатном лесу.

Осторожно губами трону
Золотой коры чешую:
Сто колец отзовутся звоном,
Сто колец меня обовьют.

Сердцевинной плоти сосновой
Я расту на границе сна:
Шум вершины... Умолкло слово
И уснула не я – сосна.

Зинаида Миркина

О, как вы огромны
И как неподвижны!..
Здесь души не помнят
О мудрости книжной.

Уходит уменье,
Кончается знание –
Урок умаленья,
Урок умолканья.

Тончайшие нити,
Безлистые кроны...
Мой тихий Учитель,
Я снова ребёнок.

Мой лес бессловесный,
Мой лес величавый, –
В тебе моё место,
В тебе – моя слава.

1984

Выпуск 1191

Иван Бунин

Рыжими иголками
Услан косогор,
Сладко пахнет ёлками
Жаркий летний бор.

Сядь на эту скользкую
Золотую сушь
С песенкою польскою
Про лесную глушь.

Темнота ветвистая
Над тобой висит,
Красное, лучистое,
Солнце чуть сквозит.

Дай твои ленивые
Девичьи уста,
Грусть твоя счастливая,
Песенка проста.

Сладко пахнет ёлками
Потаённый бор,
Скользкими иголками
Устлан косогор.

1916

Зинаида Миркина

Лес зелёный, лес любимый,
Веток сплетшаяся вязь...
Огоньком неугасимым
Осень в гущине зажглась.
Больше не бегут минуты,
Время вдруг лишилось сил.
Лес во мне все мысли спутал,
Все расчёты перебил.
Эта глубь и глушь лесная,
Тишина и крыльев взмах...
Больше ничего не знаю
О началах и концах,
О потерях и победах.
Счёт утрачен, смысл исчез.
Божий замысел неведом
И велик, как этот лес.
Танец в тайном хороводе,
Без дороги, без следа...
Лес в такую даль уводит!
Лес ведёт меня... куда?..

Выпуск 1256

Лариса Патракова

С. Гейченко

Всё обнажилось до предела:
Все связи, переходы, тайны,

И вяза жилистое тело
Полно свободы изначальной,

Где мускулов видна работа,
Струной натянутые корни
И направление полёта
Стареющей, но сильной кроны.

Листва до срока облетела,
И обнажилась радость плоти:
Могучее, литое тело,
Где жила каждая в работе!

Зинаида Миркина

Сила жизни молчалива,
Молчалива и упорна:
Веток мягкие извивы,
В землю врывшиеся корни,
Взрывы почек, крыльев взлёты,
Гладь рассекший горный гребень –
Та незримая работа,
Что идёт в земле и в небе.
На виду у всех – потери,
На слуху – такие плачи...
Но незримому поверить –
Сердца смолкшего задача.
И на листьев тихой тризне
Ощутить живые корни,
Доверяя силе жизни,
Молчаливой и упорной.

Марина Цветаева

из цикла «Деревья»

Беглецы? – Вестовые?
Отзовись, коль живые!
Чернецы верховые,
В чашах Бога узрев?

Сколько мчащих сандалий!
Сколько пышущих зданий!
Сколько гончих и ланей –
В убеганье дерев!

Лес! Ты нынче – наездник!
То, что люди болезнью
Называют: последней
Судорогою древес –

Это – в платье просторном
Отрок, нектаром вскормлен.
Это – сразу и с корнем
Ввысь сорвавшийся лес!

Нет, иное: не хлопья –
В сухолистом потопе!
Вижу: опрометь копий,
Слышу: рокот кровей!

И в разверстой хламиде
Пролетая – кто видел?! –
То Саул за Давидом:
Смуглой смертью своей!

Та, что без видения спала –
Вздрагнула и встала.
В строгой постепенности псалма,
Зрительною скалой –

Сонмы просыпающихся тел:
Руки! – Руки! – Руки!
Словно воинство под градом стрел,
Спелое для муки.

Свитки рассыпающихся в прах
Риз, сквозных как сети.
Руки, прикрывающие пах,
(Девственниц!) – и плети

Старческих, не знающих стыда...
Отроческих – птицы!
Конницею на трубу суда!
Стан по поясицу

Выпростав из гробовых пелён –
Взлёт седобородый:
Есмь! – Переселенье! – Легион!
Целые народы

Выходцев! – На милость и на гнев!
Види! – Буди! – Вспомни!
...Несколько взбегающих дерев
Вечером, на всхолмье.

1922

Выпуск 1160

Владимир Набоков

Берёзы

Стволы сквозь лёгкое зелёное сиянье
белеют, тонкие, и воздух освежен
грозой промчавшейся. Чуть слышный перезвон
дробится надо мной, чуть слышное журчанье,

и по невидимым качается волнам.
Трава вся в теневых лиловых паутинах,
вся в ослепительных извилинах, а там,
меж светлых облаков, роскошно лебединых,
струится радуга и смутно с высоты
мне улыбается, в лазури нежной тая,
такая нежная, невинная, святая,
что умилённые склоняются листья,
роняя длинные сверкающие слёзы, —
и это жизнь моя, и это край родной,
родная красота... и льётся надо мной
сиянье лёгкое, зелёное, — берёзы...

Зинаида Миркина

А в лес входить — в себя вступать.
Иду как бы во сне.
Неужто эта благодать,
Вся эта тишь — во мне?
Листвы немолчный разговор
И бесконечность дня.
Неужто весь земной простор
Вмещается в меня?
Да, час, как день, и день, как век,
Замолк последний крик...
Неужто каждый человек
И вправду так велик,
Как целый мир. И я, и ты,
И тот, чей след исчез,
В часы великой немоты
Божественны, как лес...

Выпуск 977

Борис Пастернак

Ландыши

С утра жара. Но отведи
Кусты, и грузный полдень разом
Всей массой хряснет позади,
Обламываясь под алмазом.

Он рухнет в рёбрах и лучах,
В разгранке зайчиков дрожащих,
Как наземь с потного плеча
Опущенный стекольный ящик.

Укрывшись ночью навесной,
Здесь белизна сурьмится углем.
Непревзойдённой новизной
Весна здесь сказочна, как Углич.

Жары нещадная резня
Сюда не сунется с опушки.
И вот тыходишь в березняк,
Вы всматриваетесь друг в дружку.

Но ты уже предупреждён.
Вас кто-то наблюдает снизу:
Сырой овраг сухим дождём
Росистых ландышей унизан.

Он отделился и привстал,
Кистями капелек повисши,
На палец, на два от листа,
На полтора – от корневища.

Шурша неслышно, как парча,
Льнут лайкою его початки,
Весь сумрак роци сообща
Их разбирает на перчатки.

Владимир Набоков

Бабочка (*Vanessa anfiopa*)

Бархатно-чёрная, с тёплым отливом сливы созревшей,
вот распахнулась она; сквозь этот бархат живой
сладостно светится ряд васильково-лазоревых зёрен
вдоль круговой бахромы, желтой, как зыбкая рожь.
Села на ствол, и дышат зубчатые нежные крылья,
то припадая к коре, то обращаясь к лучам...
О, как ликуют они, как мерцают божественно! Скажешь:
голубокая ночь в раме двух палевых зорь.
Здравствуй, о, здравствуй, грёза берёзовой северной рощи!
Трепет, и смех, и любовь юности вечной моей.
Да, я узнаю тебя в Серафиме при дивном свиданье,
крылья узнаю твои, этот священный узор.

1917-1922

Выпуск 510

Вероника Тушнова

Сияет небо снежными горами,
громадами округлых ярких туч.
Здесь тишина торжественна, как в храме,
здесь в вышине дымится тонкий луч.
Здесь теплят ели розовые свечи
и курят благовонную смолу.
Нам хвоя тихо сыплется на плечи,
и тропка нас ведёт в густую мглу.
Всё необычно этим летом странным:
и то, что эти ели так прямы,
и то, что лес мы ощущаем храмом,
и то, что боги в храме этом мы!

Николай Клюев

Лес

Как сладостный орган, десницею небесной
Ты вызван из земли, чтоб бури утишать,
Живым дарить покой, жильцам могилы тесной
Несбыточные сны дыханьем навевать.

Твоих зелёных волн прибой тысячеустный,
Под сводами души рождает смутный звон,
Как будто моряку, тоскующий и грустный,
С родимых берегов доносится поклон.

Как будто в зыбях хвой рыдают серафимы,
И тяжки вздохи их и гул скорбящих крыл,
О том, что Саваоф бронёй неуязвимой
От хищности людской тебя не оградил.

1912

Даниил Андреев

Арашамф

Не знаю, живут ли дриады
В лесах многоснежной России,
Как в миртах и лаврах Эллады
Ютились они в старину.
Нет, – чужды древним народам
Те дружественные иерархии,
Что пестуют нашу природу,
Нашу страну.

Ясней – полнорадостным летом,
Слабее – по жестким зимам
Их голос слышен поэтам:
Он волен, струист, звенящ,

И каждый лес орошаем
Их творчеством невыразимым,
И следует звать Арашамфом
Слой духов древесных чащ.

Не знают погони и ловли
Лепечущие их стаи,
И человеческий облик
Неведом их естеству,
Но благоговейно и строго
Творят они, благоухая,
И чувствуют Господа Бога
Совсем наяву.

По длинным лиственным гривам
Они, как по нежной скрипке,
Проводят воздушным порывом,
Как беглым смычком

скрипач;

И клонятся с шорохом лозы,
И плещутся юные липки,
И льют по опушкам берёзы
Счастливым, бесслёзный плач.

Естественнее, чем наше,
Их мирное богослуженье,
Их хоры широкие – краше
И ласковей,

чем орган;

И сладко нас напоить им
Дурманом

до головокруженья,

Когда мы входим наитьем
В мягчайшую глубь их стран.

1955

Выпуск 617

Зинаида Миркина

Ввысь в небо тянутся вершины,
И капли на ветвях горят.
И стоит голову закинуть
И утопить в лазури взгляд –

Такую ощутишь свободу,
Что неожиданно поймёшь,
Кто ты такой, откуда родом,
И так легко отбросить ложь

Всех знаний. Из семян небесных
Мы вышли. В небе наша суть.
И сонм деревьев бессловесных
Так неустанно держит путь

Обратно в небо, золотыми
Листами медленно шурша,
Светясь на солнце... А за ними,
За ними следом – вся душа.

Лариса Патракова

Взлетали навстречу крылатые сосны,
О, этих стволов совершенных звучанье!
Я знала: навечно мы кровные сестры
В терпенье и песне, в высокой печали.

Сосной пахли доски моей колыбели,
И корни мои в эту землю вращали,
И смолы сосновые в сердце кипели
Терпеньем и песней, высокой печалью.

В сосновом бору я девчонка-подросток,
Но шуму вершин отвечаю стихами
И знаю: навечно мы кровные сестры
В терпенье и песне, в высокой печали!

Выпуск 1002

Фёдор Тютчев

Смотри, как роща зеленеет,
Палящим солнцем облита,
А в ней какою негой веет
От каждой ветки и листа!

Войдём и сядем над корнями
Дерев, поимых родником, –
Там, где, обвеянный их мглами,
Он шепчет в сумраке немом.

Над нами бредят их вершины,
В полдневный зной погружены,
И лишь порою крик орлиный
До нас доходит с вышины...

1857

Борис Пастернак

Ветер

Я кончился, а ты жива.
И ветер, жалуясь и плача,
Раскачивает лес и дачу.
Не каждую сосну отдельно,
А полностью все деревья
Со всею далью беспредельной,

Как парусников кузова
На глади бухты корабельной.
И это не из удальства
Или из ярости бесцельной,
А чтоб в тоске найти слова
Тебе для песни колыбельной.

1953

Лариса Патракова

Орган сосновый был неукротим:
Лишь только ветер обжигал вершины,
Как первый звук, ещё неразрешимый,
Шёл по трубе сосновой вниз и вверх,
И соки гнали музыку к началу.
И только здесь – над всеми и для всех –
Забытая прелюдия звучала.

Стволы держали звук что было сил,
Земля и небо круг свой замыкали...
Мы слушали орган в сосновом зале –
Никто из нас пощады не просил.

Выпуск 1318

Зинаида Миркина

И всё неважно. Важен только лес,
Спокойный, отрешённый и прекрасный.
Важны прямые линии стволов
И длинные иероглифы веток –
Живого Духа тайные пути,
Которые пересекают смерть.
Не только смерть, но всю земную боль...

На плоскости для нас исхода нет.
Но ствол сосны пересекает плоскость.
Мы постигаем вдруг, что есть объем.
И мы объемлем мир – и вот тогда
Здесь, в точке сердца, чувствуем бессмертье.
Оно не после жизни, не потом.
Оно – сей час, не знающий предела.
Оно – в пересечении длины
С великой высотой и глубиной.
Оно есть небо и оно есть море,
В котором отразились небеса.
Как труден путь из плоскости в объём!
Как трудно нам поверить в то, что мы –
Не только плоть, не только эта плоскость...

Лариса Патракова

Норе Крук

Большие деревья сквозь ночь растут,
Их корни пьют серебро
Далёких лун на краю минут,
Где время давно прошло.

Большие деревья целуют день
На тысячи лет вперед...
Кого спасёт их святая тень?
Где семя их упадёт?..

Большие деревья уходят прочь:
Все сроки – у них в крови.
Они приходили, чтоб нам помочь,
Не выжившим без любви...

Выпуск 1355

Афанасий Фет

Солнце нижет лучами в отвес,
И дрожат испарений струи
У окраины ярких небес;
Распахни мне объяття твои,
Густолистый, развесистый лес!

Чтоб в лицо и в горячую грудь
Хлынул вздох твой студёной волной,
Чтоб и мне было сладко вздохнуть;
Дай устами и взором прильнуть
У корней мне к воде ключевой!

Чтоб и я в этом море исчез,
Потонул в той душистой тени,
Что раскинул твой пышный навес;
Распахни мне объяття твои,
Густолистый, развесистый лес!

1863

Вадим Андреев

Лес в июне

В глазах зарябило от тени и света,
Идёшь, как слепой – от пятна до пятна, –
Уже опрокинулось в знойное лето,
 В струящийся воздух весна.

В лесу лишь зелёное да голубое:
И корни, и даже валежник – и тот,
Покрывшись прозрачной шершавой травой,
 Того и гляди, зацветёт.

С весёлым гуденьем, вся в звонком сиянье
Мелькающих крыл, пролетела оса,
И снова лесное сухое дыханье,
И щебет – на все голоса.

Как дождь ослепительный, падает пламя,
Сжигая за новой саженью сажень.
Прибита к земле золотыми гвоздями
Листвы тёмно-синяя тень.

Куда ни посмотришь, глаза приневолив,
Везде, от земли и до самых небес,
Упершись всей грудью в далёкое поле,
Трепещет сияющий лес.

Мария Петровых

Лесное дно

О, чаща трепещущей чешуи,
Миллионнозелёное шелестенье,
Мне в сердце – серебристые бризы твои,
В лицо мне – твои беспокойные тени.

Я зыбко иду под крылатой водой,
Едва колыхаюсь волнами прохлады.
Мне сел на ладонь соловей молодой,
И дрожью откликнулись в листьях рулады.

Я вижу сосны неподвижной коралл,
Увенчанный тёмноигольчатой тучей...
Кто мутным огнём этот ствол покрывал?
Кто сучья одел в этот сумрак колючий?

Я знаю, под грубой корою берёз
Сокрыта прозрачайшая сердцевина.
Их ветки склонило обилие слёз,
Зелёных, как листья, дрожащих невинно,

И памяти чёрные шрамы свежи
На белых стволах... Это – летопись леса.
Прочсть лишь начало – и схлынет с души
Невидимая вековая завеса.

И вдруг засветился мгновенным дождём
Весь лес, затенённый дремучими снами...
Как горько мы жаждем, как жадно мы ждём
Того, кто всегда и везде перед нами!

1932

Выпуск 172

Лариса Патракова

Кружево чёрных кустов,
Вздых, предваряющий весть,
В снах видит каждый листок,
Будто у Бога он есть.

Брызнет зелёная ветвь,
Кружево выткав своё,
Строчку бы только пропеть,
Как эта ветка поёт.

Сергей Есенин

Душа грустит о небесах,
Она нездешних нив жилища.
Люблю, когда на деревьях
Огонь зелёный шевелится.

То сучья золотых стволов,
Как свечи, теплятся пред тайной,

И расцветают звёзды слов
На их листве первоначальной.

Понятен мне земли глагол,
Но не стряхну я муку эту,
Как отразивший в водах дол
Вдруг в небе ставшую комету.

Так кони не стряхнут хвостами
В хребты их пьющую луну...
О, если б прорасти глазами,
Как эти листья, в глубину.

1919

Вячеслав Иванов

Дриады

О, души дрёмные безропотных деревьев,
 Нам сёстры тёмные – дриады!
Обличья зыбкие зеленооких дев,
 Зеленовейные прохлады,
Ковчеги лёгких душ, святилища деревьев!

Живые облаки неузнанных божеств
 Средь обезбоженной природы!
Над сонмом без венков, над миром без торжеств
 Листвы пророчественной своды
Вы немо зыблете, о скинии божеств!

Прислушайся, один, в смарагдной тишине
 К пустынным шелестам Дриады!
Открой уста души – и пей, как в смутном сне,
 Наитье сумрачной отрады!
Ты, вещий, – не один в безлюдной тишине!

С тобой, вне времени, пределов и пространств,
Плывёт и жизнью нежной дышит
Душа под космами таинственных убранств
И, упоённая, колышет
Всей чуткой ошупью свой сон в струях пространств.

Ни граней, ни годин, ни ликов “Ты” и “Я”
Она божественно не знает,
И цельным нектар пьёт из сердца бытия,
И никого не вспоминает.
И в нераздельности не знает “Ты”, ни “Я”.

Истома знойных гроз, и сладкий ветер Весны,
И вздохи Осени печальной
Ей снятся в ней самой – потерянные сны
Пустой бездонности зеркальной, –
И душу сонную лелеет ветер Весны...

Так Древо тайное растёт душой одной
Из влажной Вечности глубокой,
Одетое миров всечувственной весной,
Вселенской листвой звездноокой:
Се, Древо Жизни так цветёт душой одной.

Восходят силы в нём в мерцающую сень
Из лона Вечности обильной,
И силы встречные струятся в сон и тень
На лоно Вечности могильной, –
Где корни звёздную распростирают сень.

Глядятся Жизнь и Смерть очами всех огней
В озёра Вечности двуликой;
И корни – свет ветвей, и ветви – сон корней,
И всё одержит ствол великий, –
Одна душа горит душами всех огней.

Выпуск 125

Николай Гумилёв

Деревья

Я знаю, что деревьям, а не нам
Дано величье совершенной жизни,
На ласковой земле, сестре звездам,
Мы – на чужбине, а они – в отчизне.

Глубокой осенью в полях пустых
Закаты медно-красные, восходы
Янтарные окраске учат их –
Свободные, зелёные народы.

Есть Моисеи посреди дубов,
Марии между пальм... Их души, верно,
Друг к другу посылают тихий зов
С водой, струящейся во тьме безмерной.

И в глубине земли, точка алмаз,
Дробя гранит, ключи лепечут скоро,
Ключи поют, кричат – где сломан вяз,
Где листьями оделась сикомора.

О, если бы и мне найти страну,
В которой мог не плакать и не петь я,
Безмолвно поднимаясь в вышину
Неисчислимыя тысячелетья!

1916

Марина Цветаева

из цикла «Деревья»

В смертных изверясь,
Зачароваться не тщусь.
В старческий вереск,
В среброскользящую сушь,

– Пусть моей тени
Славу трубят трубачи! –
В вереск-потери,
В вереск-сухие ручьи.

Старческий вереск!
Голого камня нарост!
Удостоверясь
В тождестве наших сиротств,

Сняв и отринув
Ключья последней парчи –
В вереск-руины,
В вереск-сухие ручьи.

Жизнь: двоедушье
Дружб и удушье уродств.
Седью и сушью,
(Ибо вожатый – суров),

Ввысь, где рябина
Краше Давида-Царя!
В вереск-седины,
В вереск-сухие моря.

1922

Каким наитием,
Какими истинами,
О чём шумите вы,
Разливы лиственные?

Какой неистойвой
Сивиллы таинствами –
О чём шумите вы,
О чём беспамятствуете?

Что в вашем веяньи?
Но знаю – лечите
Обиду Времени –
Прохладой Вечности.

Но юным гением
Восстав – порочите
Ложь лицезрения
Перстом заочности.

Чтоб вновь, как некогда,
Земля – казалась нам.
Чтобы под веками
Свершались замыслы.

Чтобы монетами
Чудес – не чваниться!
Чтобы под веками
Свершались таинства!

И прочь от прочности!
И прочь от срочности!
В поток! – В пророчества
Речами косвенными...

Листва ли – листьями?
Сивилла ль – выстонала?
...Лавины лиственные,
Руины лиственные...

1923

Выпуск 789

Зинаида Миркина

А война не кончается,
И не молкнет разлад.

А деревья качаются,
А деревья шумят.

Сколько жизней разрушено!
Сколько сомкнуто глаз!
Мы деревьев не слушаем,
Лес не слушает нас.

Над погибелью нашею,
Над доской гробовой –
Лес весенний, украшенный
Кружевною листвою.

Над иссохшими душами
Океаны любви...
Лес любимый, не слушай нас,
Лес любимый, живи!

Марина Цветаева

из цикла «Деревья»

Когда обидой – опилась
Душа разгневанная,
Когда семижды зареклась
Сражаться с демонами –

Не с теми, ливнями огней
В бездну нисхлестнутыми:
С земными низостями дней,
С людскими косностями –

Деревья! К вам иду! Спаситесь
От рёва рыночного!
Вашими вымахами ввысь
Как сердце выдышано!

Дуб богоборческий! В бои
Всем корнем шествующий!

Ивы-провидицы мои!
Берёзы-девственницы!

Вяз – яростный Авессалом,
На пытке вздыбленная
Сосна – ты, уст моих псалом:
Горечь рябиновая...

К вам! В живоплещущую ртуть
Листвы – пусть рушащейся!
Впервые руки распахнуть!
Забросить рукописи!

Зелёных отсветов рои...
Как в руки – плещущие...
Простоволосые мои,
Мои трепещущие!

Други! Братственный сонм!
Вы, чьим взмахом сметён
След обиды земной.
Лес! – Элизиум мой!

В громком таборе дружб
Собутыльница душ
Кончу, трезвость избрав,
День – в тишайшем из братств.

Ах, с топчущих стогн
В лёгкий жертвенный огонь
Рош! В великий покой
Мхов! В струение хвой...

Древа вещая весть!
Лес, вещающий: Есть
Здесь, над сбродом кривизн –
Совершенная жизнь:

Где ни рабств, ни уродств,
Там, где всё во весь рост,

Там, где правда видней:
По ту сторону дней...

1922

Выпуск 1241

Марина Цветаева

Куст

1

Что нужно кусту от меня?
Не речи ж! Не доли собачьей
Моей человечесьей, кляня
Которую – голову прячу

В него же (седей – день от дня!).
Сей мощи, и плечи, и гущи –
Что нужно кусту – от меня?
Имущему – от неимущей!

А нужно! иначе б не шёл
Мне в очи, и в мысли, и в уши.
Не нужно б – тогда бы не цвёл
Мне прямо в разверстую душу,

Что только кустом не пуста:
Окном моих всех захолустий!
Что, полная чаша куста,
Находишь на сем – месте пусте?

Чего не видал (на ветвях
Твоих – хоть бы лист одинаков!)
В моих преткновения пнях,
Сплошных препинания знаках?

Чего не слышал (на ветвях
Молва не рождается в муках!),
В моих преткновения пнях,
Сплошных препинания звуках?

Да вот и сейчас, словарю
Придавши бессмертную силу, –
Да разве я *то* говорю,
Что знала, пока не раскрыла

Рта, знала ещё на черте
Губ, той – за которой осколки...
И снова, во всей полноте,
Знать буду, как только умолкну.

2

А мне от куста – не шуми
Минуточку, мир человеческий! –
А мне от куста – тишины:
Той, – между молчаньем и речью.

Той, – можешь – ничем, можешь – всем
Назвать: глубока, неизбывна.
Невнятности! наших поэм
Посмертных – невнятицы дивной.

Невнятицы старых садов,
Невнятицы музыки новой,
Невнятицы первых слогов,
Невнятицы Фауста Второго.

Той – *до* всего, *после* всего.
Гул множеств, идущих на форум.
Ну – шума ушного того,
Всё соединилось в котором.

Как будто бы все кувшины
Востока – на лобное всхолмье.

Такой от куста тишины,
Полнее не выразишь: полной.

1934

Арсений Тарковский

Деревья

I

Чем глуше крови страстный ропот
И верный кров тебе нужней,
Тем больше ценишь трезвый опыт
Спокойной зрелости своей.

Оплакав молодые годы,
Молочный брат листвы и трав,
Глядишься в зеркало природы,
В её лице своё узнав.

И собеседник и ровесник
Деревьев полувековых,
Ищи себя не в ранних песнях,
А в росте и упорстве их.

Им тяжело собственное бремя,
Но с каждой новой весной
В их жесткой сердцевине время
За слоем отлагает слой.

И крепнет их живая сила,
Двоятся ветви их, деля
Тот груз, которым одарила
Своих питомцев мать-земля.

О чём скорбя, в разгаре мая
Вдоль исполинского ствола

На крону смотришь, понимая,
Что мысль в замену чувств пришла?

О том ли, что в твоих созвучьях
Отвердевает кровь твоя,
Как в терпеливых этих сучьях
Луч солнца и вода ручья?

II

Державы птичьей нищеты,
Ветров зелёные кочевья,
Ветвями ищут высоты
Слепорождённые деревья.

Зато, как воины, стройны,
Очеловеченные нами,
Стоят, и соединены
Земля и небо их стволами.

С их плеч, когда зима придёт,
Слетит убранство золотое:
Пусть отдохнёт лесной народ,
Накопит силы на покое.

А листья – пусть лежат они
Под снегом, ржавчина природы.
Сквозь щели сломанной брони
Живительные брызнут воды,

И двинется весенний сок,
И сквозь кору из чёрной раны
Побега молодого рог
Проглянет, нежный и багряный.

И вот уже в сквозной листве
Стоят округ земли прогретой

И света ищут в синеве
Ещё, быть может, до рассвета.

– Как будто горцы к нам пришли
С оружием своим старинным
На праздник матери-земли
И станом стали по низинам.

Созвучья струн волосяных
Налётом птичьим зазвучали,
И пляски ждут подруги их,
Держа в точёных пальцах шали.

Людская плоть в родстве с листвою,
И мы чем выше, тем упорней:
Древесные и наши корни
Живут порукой круговой.

1954